

Учитель учителей о будущем школы

На независимом деловом информационно-аналитическом телеканале «Эксперт-ТВ» в рамках программы «Угол зрения» широко обсуждаются глобальные проблемы современного российского общества. Одной из тем программы стало обсуждение закона «Об образовании в РФ» (эфир от 22 ноября 2010 г.). Беседу вели:

А. Н. Привалов, кандидат экономических наук, декан Высшей школы журналистики, научный редактор журнала «Эксперт»;

Ш. А. Амонашвили, доктор психологических наук, профессор, член Российской академии образования, лауреат Государственной премии РФ, руководитель Международного центра гуманной педагогики, научный руководитель московской школы № 200.

От редакции

— Шалва Александрович, Вы давно занимаетесь тем, что называется «гуманная педагогика». В какой степени это сейчас соответствует веяниям времени?

— Этот вопрос мне часто задают, не учителя, кстати говоря. Так как общество вовсе не гуманное, стоит ли воспитывать гуманных детей? Здесь ответ очень простой: школа ведь иначе не может, она должна быть только гуманной. Не любая школа гуманна — это педагогика должна быть такая. Но нам остался от советской власти авторитарный подход к детям. Учительский авторитаризм заложен не только в процессе, но и в учебниках, программах, стандартах, если хотите. Во всех сферах авторитаризм властвует. И ученик, как сказал А. Н. Леонтьев, «не проживает обучение, а отбывает его», — и это до сих пор длится.

— Какова альтернатива? Я так понимаю, альтернатива возможна, когда учитель с учеником сидят друг напротив друга за одним столом и беседуют на равных. Когда есть 20–40 сорванцов в комнате и один учитель, он должен быть авторитарен, иначе его «на куски порвут».

— Когда учитель просто властвует: «Встаньте! Садитесь! Дай дневник! Приведи отца!» — и эти властные учительские замашки преобладают, это я называю авторитаризмом. Когда ребенок меньше думает о своих мыслях и сосредоточен на том, что учителю сказать, чтобы угодить ему, то это авторитаризм. Скрытый, открытый — какая разница. Это нами глубоко изучено, и, так как нужно отмежеваться от того, что есть, зарождается гуманная педагогика. Эта педагогика всегда существовала и в школах, и в теории, она является достоянием классической педагогики. Квинтилиан, Сухомлинский — это начальная и последняя ее точки. И между ними Каменский, Ушинский, Песталоцци. Вот они развивали только гуманную педагогику.

В первую очередь это выражается в сознании учителя. Как он воспринимает ребенка, кто он для него.

Для меня лично как для гуманного учителя ребенок — изъятие. Я его воспринимаю как носителя своего предназначения, как носителя огромнейшей энергии. Ребенок — произведение природы; лень — защита ребенка от агрессии. Эти понятия не укладываются в обычном сознании. Значит, нужно сменить сознание учителя, и тогда мы получим иной подход. Ученые станут иными, программы станут иными.

— Нынешнее учительское общество России, те, кто входят в классы как педагоги, они к такому повороту готовы?

— Мы ежегодно проводим Международные педагогические чтения. Собираются около 800 человек, это особая категория учителей. В принципе, они готовы, но не все, конечно. Если хотя бы 10 % учителей пойдут на это, то остальные или возьмут пример, или останутся такими, какие они есть. Но движение начинается очень мощное. Так что таких школ и учителей очень много.

— Эти школы уже могут похвастаться какими-то результатами?

— Когда 8 лет назад нам дали школу № 200 г. Москвы, это была школа «для выравнивания», коррекционная школа. Когда мы попросили учителей помочь нам, чтобы вводить гуманную педагогику, они разом покинули школу. С трудом собрали новую группу учителей, прошло 3 года. Через месяц аттестационная комиссия дает документ, подтверждающий, что это школа обычная средняя общеобразовательная. И спрашивают: «А куда вы дели этих умственно неполноценных детей?».

— А как это может быть тиражировано? Это же штучная работа.

— Это тиражировать, конечно, нельзя, как и работу Сухомлинского. Но можно понять смысл этой педагогики. И человек в себе породит свой подход, исходя из общего. А гуманный подход опирается на понятие духовности. Вот это понятие нужно вобрать в себя, а потом проблема решается. И тогда такие вещи не тиражируются, а творчески создаются.

— В советские времена были очаги авторской педагогики. К ним всегда было сложное отношение. Кто-то хвалил, кто-то поносил, но все сговаривались на том, что это не тиражируемо. Было ли от всего этого суммарное влияние? Возможно ли оно сейчас?

— В 1985 году началось очень мощное движение педагогики сотрудничества. Авторские школы вылились в это движение, которое до сих пор не теряет свой смысл. Педагогика сотрудничества то и дело реализуется в школах.

— Можно ли сказать, что это повлияло на общую интонацию образования в России?

— Конечно, повлияло. Гуманная педагогика — чуть более продвинутый этап. Мы стали развивать идею педагогики сотрудничества, и она была обсуждена в Министерстве образования и науки и в комитете Государственной Думы РФ по образованию и науке. 6 лет тому назад дважды было решено, что эта теория должна лечь в основу реформы российских школ. Понятие «духовность» уже звучит в новых стандартах. Они вобрали это понятие, отдавая долг тому, что сейчас происходит в образовании.

— Шалва Александрович, как Вы относитесь к предстоящим переменам в юридическом статусе школ? Они переходят в автономные учреждения. Чего Вы ждете от этого для своей школы, для школ России?

— Что касается школы № 200, то это маленькая школа, 200 детей, и такую систему будет сложно реализовать. Я полагаю, что некоторые директора могут это понять. Некоторые знают, как зарабатывать, планировать. Это особый талант, чтобы организовать вокруг себя некоторые средства. Но большинство школ к этому не готовы, им нужно указать источники пополнения средств. Да, мы можем перевести школы на самофинансирование, но при этом должны быть очень деликатны в отношении труда учителя, ибо учитель не любит торговаться своими знаниями. Я сталкивался с поколением репетиторов, но говорю об учителе, который живет на свою зарплату. 90 % учителей остаются без репетиторства, без дополнительных доходов, и превращать их труд в продукт для продажи, в общеобразовательные услуги нельзя. Мы должны научить директоров школ, менеджеров образования, как это делать.

— По нашему закону деньги идут за учеником, куда бы он ни пришел, в том числе, в частную школу. Но нет таких резервуаров, из которых каждая школа может черпать сколько угодно. В новом законе, который с 1 декабря 2010 года выдвинут на всенародное обсуждение, самая спорная деталь, о которой больше всего сейчас говорят, — роль частного и домашнего образования, экстернатив. Как Вы к этому относитесь?

— Я к этому отношусь положительно, потому что есть родители, которые прошли свою «школу жизни» и пред-

почитают не отдавать своих детей в общеобразовательные учреждения. Не во всех школах есть педагоги, которые могут принимать детей, достойно с ними общаться. Боясь этого, родители решают сами с ними заниматься, объединяются и создают домашние школы для своих ребят. Такой опыт у меня был в Екатеринбурге и это был неплохой опыт. Но есть здесь одна важная проблема, которая меня смущает. Ребенок нуждается не только в конкретных знаниях, но и в сообществе людей. Оно имеет огромный смысл в социуме, и лишать ребенка этого сообщества было бы неразумно.

— У какой доли российских школ есть шансы обзавестись фондами, эндаументами? Много ли вы знаете школ, в которых попечительские советы работают на постоянной основе?

— Самый мощный бюджет страны после армии должен тратиться на школы. Очень малая часть школ может найти такую поддержку. В Америке попечительские фонды помогают больше, решают многие проблемы. Но, во-первых, наши родители к такой поддержке не приучены, а во-вторых, и не умеют многого делать. Наблюдать за детьми, чтобы с ними ничего не произошло, — этого мало. Самое главное — участие в воспитательной деятельности школы. Мы приглашаем родителей на уроки, это особая культура общения с ними.

— Мы упираемся в коммуникационные проблемы: учителю надо иначе коммуницировать с ребенком, с его родителями, а родителям — с учителем. Есть ли вероятность, что проблема будет сдвигаться, что интонация в школе поменяется?

— Для меня общение — сердце педагогического процесса. «Авторитарное сердце» — это больное сердце, здоровое сердце — это доброе, светлое, чуткое, основанное на любви. Такая возможность реально существует только с одним условием — как мы будем готовить будущих учителей в вузах. Кого принимаем? Кто этот молодой человек, который завтра пойдет в школу: он историк или историк с сердцем учителя? Он физику любит или любит ребенка с помощью физики?

— Шалва Александрович, но такого большого конкурса в педвузы нет.

— Чья забота, как сделать из молодого человека хорошего, любящего учителя? Хотя бы чтобы из ста десять были такими. Мешает здесь сухая авторитарная педагогика. В Днепропетровске проводились чтения о гуманной педагогике в вузах. Если проводить такие конференции, менять учебники, закладывая в них понятие любви к педагогике, то ситуация изменится. А школа может существовать без радости и любви? Если профессор это поймет, то он найдет, как подойти к студентам, чтобы хотя бы у нескольких из них пробудить это чувство.

С любезного разрешения Ш. А. Амонашвили.
Посмотреть оригинал интервью можно по адресу:
<http://video.yandex.ru/users/vokalbo-xela/view/711/>.

УДК 37.014.3

Школьное образование: вопросы модернизации

МАРКОВ Ю. Г.

доктор философских наук, профессор

РЫБИНА С. А.

учитель физики и информатики средней общеобразовательной школы № 74 г. Новосибирска

Важнейшая цель школьного образования, которое адекватно отражает требования современности, — «производство» духовно-нравственной личности, в то время как все прочие виды производств можно рассматривать в качестве средства достижения этой цели. Совершенно очевидно, что «производство» человеческой личности не может сводиться к наполнению молодых людей знаниями различных предметов. На фоне падения нравственных ценностей в стране исключительно важным становится закрепление ценностных ориентаций школьного образования для ухода за рамки традиционного учебного процесса.

Но, несмотря на остроту проблемы, в реальном процессе школьного образования изменения происходят очень медленно. Большая часть учителей (примерно 60 %) к школьным новациям относится отрицательно¹. Школа не успевает и, похоже, не стремится предотвратить губительные изменения, происходящие в обществе. Все мы живем в условиях духовно-нравственного загрязнения социальной среды, забываем об экологии культуры и о том, что основной механизм ее управления заключен именно в сфере школьного образования. Мы постоянно находимся под воздействием процессов внушения и давления на психику. Рынок превратил современного человека в потребителя товаров и услуг, т. к. ни в чем другом рынок не нуждается. В магазинах, поликлиниках, местах отдыха, в автотранспорте, дома, с экранов телевизоров, пестрых плакатов, из динамиков радио, плееров, ставших неотъемлемым атрибутом молодежи, на нас воздействует поток умело подобранной информации. Школа пока еще остается тем местом, где ослаблен шум рекламы, а учебная информация уводит школьников в мир духовной жизни. Но даже здесь соединение учебной информации с выработкой должных ценностных ориентаций существенно осложняется. Психика ребенка еще слишком неустойчива, подвержена негативным влияниям нездорового общества.

На наш взгляд, современная Россия отличается слабой ориентацией на духовно-нравственные ценности. В нашей стране количество людей, ориентированных на духовно-нравственные ценности, меньше (примерно в 2 раза), чем в странах с развитой социальной инфраструктурой, например, в скандинавских. Это отрицательно сказывается на состоянии различных отраслей культуры в России, и, прежде всего, на качестве педагогической работы. Насаждаемая идеология либерализма, характерная для руководящей элиты России, благополучно сочетается с авторитарным режимом власти и даже православием, ограничивающимся только внешней атрибутикой. Возможность прощения жестокости и обмана, искупления грехов с помощью индульгенции, допускаемые в свое время протестантизмом, чтобы открыть воро-

Нравственное общество предполагает чувство патриотизма, которое возникает как естественная реакция людей на проявление надлежащей заботы о них со стороны государственных структур.

та рыночной экономике, ныне навязывается православию, деформируя его ценностные основания. К этому подталкивает совместное существование православной церкви и рыночных установок нынешнего российского правительства. Пока трудно сказать, к чему это может привести.

Тем не менее, в концепции модернизации российского образования на период до 2010 года (Распоряжение Правительства РФ № 1756-р от 29 декабря 2001 г.) говорится о том, что ученики школы должны обладать духовностью и нравственностью. Хотелось бы отметить, что подобная установка реализуема лишь в рамках государства, проявляющего заботу о своих гражданах. Нравственное общество предполагает чувство патриотизма, которое возникает как естественная реакция людей на проявление надлежащей заботы о них со стороны государственных структур. В реальной действительности государственная политика не способствует патриотизму граждан и не ведет к нравственному со-

¹ Куркин Е. Б. Управление образованием в условиях рынка. Новосибирск, 2002, с. 58.